

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
15 (78)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

ЦАРСКИЕ И ПОЛИСНЫЕ ЗЕМЛИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКОЙ СИРИИ

Проблема земельных отношений в эллинистическо-римской Сирии, уже затрагивавшаяся в трудах М. И. Ростовцева, Э. Бикермана, А. Чериковера, Н. В. Пигулевской, А. Б. Рановича и других, еще далека от своего решения. Значительный фактический материал, собранный по данному вопросу, был классифицирован с применением не вполне точных, на наш взгляд, критериев: были смешаны понятия собственности и суверенитета, что привело к возникновению теории номинальной, или фактической, верховной собственности царя на землю.¹ Если же разграничить эти понятия, оказывается, что земельная структура эллинистическо-римской Сирии была сложнее, чем принято думать.

Весь земельный фонд Сирии складывался из земель, которые находились под юрисдикцией царя как носителя публично-правовой власти, и земель, бывших под юрисдикцией общин, преимущественно полисов.

Среди земель, состоявших под царской юрисдикцией, особое место занимали земли, находившиеся в собственности царя. Царь имел право отчуждать такие земли: хорошо известен, в частности, акт о продаже Антиохом II его разведенной жене Лаодике земельных владений в Паннукоме (OGIS 225). Лаодика получает, согласно этому документу, право приписать купленные ею земли к тому полису, к которому пожелает. То же могут сделать и лица, которые купят данную землю или приобретут ее у Лаодики иным способом, если сама Лаодика до совершения акта купли-продажи этого не сделает. В царском указе предусматривается, следовательно, такая ситуация, при которой земля, находящаяся в собственности частного лица, не будет приписана к полису. Смысл этой оговорки, как нам кажется, сводится к тому, что Лаодика или те лица, которые вступят во владение Паннукомом после нее, по-

---

¹ M. Rostovtzeff. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, vol. I. Oxford, 1941, p. 456; E. Bickerman. *Institutions des Séleucides*. Bruxelles, 1938, pp. 169—170; A. Ceriqober. *Hayyehudim ba'olam hayyewani weharomi*. Tel'Abib, 5721, 'am. 76—77; Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 23—28; А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, 149—158.

лучают право по своему усмотрению изменить юридический статус принадлежащей им земли, изъять ее из царской юрисдикции и передать ее под юрисдикцию полиса. Надпись OGIS 225 показывает, таким образом, что наряду с землями, являющимися царской собственностью, под юрисдикцией царя могли находиться и частновладельческие земли.

Аналогичная ситуация возникала, очевидно, и при раздачах царских земель разного рода поселенцам (ср. Fl. Ios., Antt., 12, 151). В данном случае речь идет о создании на царской земле поселения, причем царь отказывается от своих собственнических прав на землю. В указе царя, которым предоставляется земля новому поселению, не оговаривается право или обязанность поселенцев присоединить даваемые им земли к территории какого-либо полиса. Подобное положение возможно только в том случае, когда предполагалось возникновение на царской земле (при сохранении этого статуса) поселения, обладавшего внутренним управлением и автономией.

В то же время известны случаи, когда царь продавал свою землю полису (OGIS 335). В этом случае изменялся и ее юридический статус: из царской она превращалась в полисную.²

Наряду с правом отчуждать свою землю царь широко пользовался и правом передавать землю в повинностное владение. Говоря о целях Антиоха IV в его борьбе с Маккавеями, наш источник (I Макк., 3, 36) сообщает, что он стремился „поселить чужеземцев во всех пределах их и разделить (*κατακληροδοτῆσαι*) землю их“. Такая система практиковалась не только Селевкидами и Птолемеями, но и местными туземными правителями. Характерным примером служат порядки, существовавшие в области, находившейся под властью аммонитских правителей из династии Тобиадов, пришедшей к власти задолго до походов Александра Македонского. В одном из документов этих правителей (CP J, I, 1 = PCZ 59003), происходящем из Бирты и датированном апрелем—маем 259 г. до н. э., упоминаются „клерухи из всадников Тубии“: книдеец Никанор сын Ксенокла, два „перса“, имена которых не сохранились, — сын Анания и сын Агафона, а также „македонянин“ Полемон сын Стратона. Эта система широко использовалась в позднеэллинистический и римский периоды. Ее применил, в частности, иудейский царь Ирод, поселивший в Трахонитиде три тысячи идумеев (Fl. Ios., Antt., 16, 285) и наделявший клерами всадников в Галилее (Fl. Ios., Antt., 15, 294).

Правовое положение земель, находившихся в условном владении (типа воинских клерухий), теоретически должно было определяться тем, что собственником земли являлся царь, а владение было обусловлено выполнением определенных повинностей и в случае прекращения их приостанавливалось.³ Однако, как показывает известная надпись Мне-

² M. R o s t o w z e w. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig—Berlin, 1910, S. 249.

³ R. T a u b e n s c h l a g. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri. New York, 1944, p. 178.

симаха,⁴ практически дело обстояло сложнее. Среди того имущества, которое Мнесимах предоставляет храму Артемиды в возмещение следующих с него платежей по закладной, мы находим и земельные владения двух типов: $\chi\acute{\omega}\mu\eta$ и $\kappa\lambda\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$. Практически они имели один и тот же правовой статус⁵: Мнесимах может распоряжаться как теми, так и другими. В надписи, правда, предусматривается возможность того, что царь „из-за Мнесимаха“ отберет у храма какие-либо комы или клеры; в этом случае Мнесимах или его потомки должны будут выплатить полностью всю сумму ранее взятого у храма займа. В литературе было высказано предположение, согласно которому приведенная выше клаузула свидетельствует о существовании верховной собственности царя на землю.⁶ С нашей точки зрения, она свидетельствует прежде всего о неполноте владельческих прав храма на полученную от Мнесимаха землю. Как бы ни понимать формулу $\delta\acute{\iota}\alpha$ $\text{M}\nu\eta\sigma\acute{\iota}\mu\alpha\chi\omicron\nu$, представляется несомненным, что царь рассматривал именно Мнесимаха как владельца данных земельных участков, несмотря на совершенную им сделку. В то же время, поскольку те и другие земли имеют одинаковый статус, представляется наиболее правдоподобным, что, конфискуя земли Мнесимаха, царь действовал в качестве носителя публично-правовой власти. Как бы то ни было, клеры уже в то время могли служить объектом некоторых имущественных сделок, иными словами, начали постепенно превращаться в частную собственность под царской юрисдикцией.

Аналогичную тенденцию обнаруживает и терминология документов из Дура-Европос. Здесь отмечаются три группы земель, которые могли послужить объектом сделки: $\chi\acute{\omega}\rho\alpha$, т. е. полисная земля (DEPP 17 = D. Pg. 2; DEPP 26 = D. Pg. 101), $\gamma\tilde{\eta}$ $\acute{\epsilon}\pi\iota\varphi\omicron\tau\epsilon\lambda\iota\kappa\acute{\eta}$ (DEPP 25 = D. Pg. 23), а также земля, обозначенная термином $\kappa\lambda\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$ (DEPP 15 = D. Pg. 1); правда, в дошедшем до нас документе отчуждается только его часть. Последнее особенно важно: очевидно, данный клер и раньше мог служить объектом разного рода сделок. То обстоятельство, что эти земли могли служить объектами купли-продажи без каких-либо оговорок и ограничений, показывает, что их правовой статус во II—III вв. н. э. был уже однотипен. Терминологические различия в документах отражали не явления, реально существовавшие к моменту составления документов, но факты более или менее отдаленного прошлого.

В Иудее после разгрома восстания 66—73 гг. Веспасиан объявил земли Иудеи своею собственностью.⁷ Однако этот эпизод в жизни страны был непродолжительным. Наши источники (Fl. Ios., BJ, 7, 216—217) указывают, что император приказал продать земли иудеев

⁴ W. H. Buckler, D. M. Robinson. Greek Inscriptions from Sardes I. AJA, vol. XVI, 1912, pp. 11—88.

⁵ T. Zawadzki. Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów Małozajtyckich w epoce hellenizmu. Poznań, 1952, str. 30—31.

⁶ А. Б. Р а н о в и ч. Эллинизм. . . , стр. 157.

⁷ A. Alon. Toledot hayyehudim be'ereš Yišra'el bitqupat hamišna wehattalmud. Tel Abib, 5719, ker. 1, 'am. 5.

и учредил в районе Эммауса военное поселение из восьмисот поселенцев. Таким образом, и на землях, находившихся под юрисдикцией императора, наблюдаются и возникновение частной собственности, и создание повинностного землевладения. Значительные земельные фонды были розданы приближенным императора, в том числе и представителям местных аристократических родов; так, Иосиф Флавий неоднократно (Vita, 422, 425, 429) упоминает о том, что он получил землю от римских властей, употребляя при этом характерный термин *δωρεάν γῆν*.

Документы из Вадии Мурабба'ат показывают, что Бар Кохба, возглавив восстание против римского господства в Иудее, сосредоточил в своих руках значительные земельные массивы. Правда, как показывают документы о купле-продаже земли Мур. 22, 25, 29, 30, наряду с землями, принадлежавшими руководителю повстанцев, продолжали сохраняться и частновладельческие земли. Очевидно, земельная реформа Бар Кохбы, о характере и деталях которой высказывалось много противоречивых суждений, заключалась в том, что он захватил какие-то земельные фонды,⁸ хотя вряд ли можно думать, что в качестве земельного собственника он заменил собой императора. Дошедшие до нас тексты не содержат каких-либо указаний на этот счет. В то же время вряд ли можно сомневаться в том, что его действия находились целиком в русле традиционной политики глав государств эллинистическо-римского времени.

Документ Мур. 24, который нас здесь интересует прежде всего, представляет собой копии целой серии договоров об аренде земли, которые были заключены в один и тот же день и касались в общем одного земельного массива, находившегося в местности Ир Нахаш и раздробленного на мелкие участки. Договоры подписываются с одной стороны арендатором, а с другой — по приказанию Бар Кохбы его именем. Бар Кохба, таким образом, выступал в роли одного из контрагентов сделки.⁹ Более того, все документы указывают, что земля арендуется у „Шимеона, предводителя Израиля“. Однако арендаторы вели дела не лично с ним, а с его администратором в Геродиуме Хиллелем сыном Гариса. В функции последнего входило, очевидно, и управление земельными фондами вождя повстанцев.

Весьма важную клаузулу содержит та формула документов, согласно которой лицо, не обрабатывающее землю, изгоняется с нее и теряет все те средства, которые были вложены в обработку участка. Ж. Т. Милик в своем комментарии к Мур. 24 В указывает, что „ни расшифровка,

⁸ P. Benoit, J. T. Milik, R. de Vaux. *Les grottes de Murabba'at* (Discoveries in the Judaean Desert, vol. II). Oxford, 1961, pp. 68, 123; И. Д. Амусин. Документы из Вадии Мурабба'ат II. ВДИ, 1961, № 4; Л. Х. Вильскер. О документах, найденных в Нахал Хевер. ВДИ, 1964, № 1.

⁹ Тем самым опровергается построение М. Р. Лемана, который полагал, что документы Мур. 24 представляют собой договоры о субаренде (M. R. Lehmann. *Studies in the Murabba'at and Nahal Hever Documents*. *Revue de Qumran*, vol. 13, 1963, pp. 72—81).

ни понимание этих текстов неточны". Он, впрочем, отмечает ее близость к клаузуле талмудического арендного договора (Мишна, Бава Мециа, 9, 3; Бава Мециа, 109 а), согласно которой арендатор в том случае, если он оставляет землю необработанной, обязуется возместить владельцу нанесенный им ущерб из доли своего имущества. Впрочем, эта аналогия не проясняет сути дела. В том талмудическом узаконении, на которое ссылается Милик, речь идет об одном из типов земельной аренды — *'ārišūṭ*, когда земля арендовалась из доли урожая. Оговорка в данном случае должна была предупредить ситуацию, когда арендатор не производил сельскохозяйственных работ, что автоматически должно было повлечь за собой невзнос арендной платы. Более близка к истине позиция И. Д. Амусина, считающего, что данная клаузула свидетельствует о глубокой заинтересованности Бар Кохбы в контроле за развитием сельскохозяйственного производства.¹⁰ Однако и он не разбирает юридическую ситуацию, нашедшую отражение в документе. М. Р. Леман, предлагая отличную от принятой издателями реконструкцию текста, полагает, что в данном случае речь идет об оговорке, которая предусматривает невзнос арендной платы в случае стихийных бедствий: „кроме того случая, когда она не даст плоды и саранча объест землю эту, и он будет прогнан, и потеряет“.¹¹ Но тогда последние два слова оказываются необъяснимыми: трудно представить себе, чтобы за последствия стихийных бедствий подвергалось наказанию лицо, явно не несущее ответственности. Кроме того, реконструкция, предложенная Леманом, требует замены ясно читаемого *t* на предполагаемое им *ḥ* и не укладывается в размеры лакуны, нарушая к тому же логическую завершенность предыдущей фразы. Нам представляется, что для понимания указанной клаузулы нет необходимости совершать насилие над дошедшим до нас текстом. Она получает свое объяснение, если принять, что аренда, о которой идет речь, сопровождалась обязательством арендатора непременно обрабатывать арендованную землю, т. е. что Бар Кохба ввел на своих землях систему эфифитевзиса (соответственно эмфитевзиса). Вероятно, здесь речь должна была бы идти об арендовании целины или залежных земель, однако мы не располагаем материалом для более обоснованных суждений. В отличие от классического эмфитевзиса в данном случае имеется в виду аренда, ограниченная определенным сроком. Впрочем, ничто не мешает предположить, что контракты на аренду земель Бар Кохбы, т. е. государственных земель, могли периодически возобновляться, что, естественно, должно было повлечь за собой в принципе превращение такой аренды в наследственную.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что земли, о которых говорится в документах Мур. 24, могут быть условно разделены на две категории. Одна группа земель (Мур. 24 Е и, вероятно, Мур. 24 В)

¹⁰ И. Д. Амусин. *Документы...*, стр. 143.

¹¹ M. R. Lehmann. *Studies...*, p. 73.

имеет весьма показательную характеристику — „которая принадлежит мне (т. е. арендатору, — *И. Ш.*)“; другие земли подобной характеристики не имеют. Между тем правовой статус тех и других земель безусловно одинаков. Введение этой (или близких к ней) формулы может объясняться, по нашему мнению, двумя причинами: либо названные земли были захвачены будущими их арендаторами в момент восстания либо они были в их руках на каких-то условиях еще до восстания. Во всяком случае к моменту заключения арендного договора эти земли уже находились в руках арендаторов; договор, следовательно, должен был оформить уже реально существовавшее владение.

Срок аренды был ограничен пятью годами (до кануна „года шемитты“). Следует согласиться с Леманом, который полагает, что сам по себе обычай шемитты не влек за собой прекращения аренды; видимо, обозначение года было взято как наиболее удобная хронологическая вежа, соответствующая „круглой“ цифре лет аренды.

Рассмотренный выше материал показывает, что вне зависимости от правовой ситуации, существовавшей в указанный период в Дура-Европос (а документы из Вади-Мурабба'ат хронологически очень близки к документам из Дура-Европос), система эфипитевзиса в римской Сирии была жива, поскольку Бар Кохба, очевидно, мог воспользоваться только какими-то неотдаленными по времени образцами. Представляется весьма вероятным, что и по своему существу контракты на эфипитевзис не должны были сколько-нибудь значительно отличаться от документов Мур. 24.¹²

Другую группу документов об аренде государственных земель у Бар Кохбы составляют пока еще не опубликованные материалы из Нахал Хевер, известные до сих пор только по изложению их содержания, сделанному Й. Йадином.¹³ Один из них (№ 42 по нумерации Йадина) содержит контракт об аренде земли, где в качестве арендодателя выступают администраторы Бар Кохбы Ионатан (его отчество не сохранилось) и Хорин сын Ишмаэля. Земля сдается за плату 650 зуз в год, что соответствует, видимо, значительным размерам арендуемого участка. Арендатор был обязан вносить эту сумму в три приема, в точно установленные сроки — по 300, 250 и 100 зуз. Другой документ (№ 43) представляет собой расписку, выданную местным администратором Хорином сыном Ишмаэля Элизеру сыну Шемуэля на 39 денариев, уплаченных за аренду земли, „которую он арендовал (hkr) у Шиме'она сына Косевы“. Особое внимание привлекает к себе документ № 44. Он содержит акт о разделе участка земли, совместно арендованного четырьмя людьми у некоего администратора Бар Кохбы.

¹² Ср.: Л. Х. Вильскер. О документах . . . , стр. 124—125. Основную черту „земельной реформы“ Бар Кохбы автор видит в создании им системы коллективной или единой аренды государственных земель, не рассматривая, к сожалению, более детально вопрос об их юридическом статусе.

¹³ Y. Yadin. Expedition D—the Cave of the Letters. IEJ, vol. 12, 3—4, 1962, pp. 249—252.

Документ датирован 28 мархешвана третьего года Шиме'она сына Косевы, предводителя Израиля. Й. Йадин приводит в своем предварительном сообщении значительный отрывок из этого документа: „Пожелали и разделили между собой, по своему желанию, сегодня, Элеазар сын Элеазара сына Хиты и Элиезер сын Шемуэля, оба из Эн Гедди, и Техинна сын Шиме'она и Алма сын Иуды, оба из Ха-Лухит, что в округе (mḥwz) Агалтайин, живущие в Эн Гедди, места, которые они арендовали (ḥkrw) у Ионатана сына Маханима, управителя (prnsw) Шиме'она сына Косевы, предводителя Израиля, в Эн Гедди“. Соответственно площади участка, полученного каждым из арендаторов, устанавливается для них и индивидуальная арендная плата. Следует заметить в названном документе термин mḳwmwt, точно соответствующий греческому τὰ χωρία. Наконец, документ № 46 содержит договор о субаренде: Элеазар сын Элеазара сына Хиты и Элиезер сын Шемуэля сдают свой участок в аренду некоему Иакову сыну Шиме'она. Имеется и еще один документ о субаренде.¹⁴

Управление землями Бар Кохбы было централизовано: ими ведали уполномоченные предводителя иудейских повстанцев, одним из которых был Хиллель сын Гариса, находившийся в Геродиуме, где была также и ставка Бар Кохбы;¹⁵ там же находился и „амбар“ — склады, куда арендаторы должны были сдавать арендную плату. Уполномоченные — „парнасы“ — с аналогичными функциями имелись и в Эн Гедди. Показательно, что документы Мур. 24 и из Нахал Хевер не упоминают о каких-либо местных, общинных органах власти, которые бы находились в Ир Нахаш или Эн Гедди. Это умолчание, а также то обстоятельство, что арендаторы выплачивают арендную плату порознь, позволяют с достаточной степенью вероятности утверждать, что земли, арендованные у Бар Кохбы, не принадлежали к числу тех, на которые распространялась юрисдикция полисов.

Среди земель, находившихся под юрисдикцией полиса или иного гражданского коллектива, могут быть отчетливо выделены два массива.

¹⁴ Ср.: И. Д. Амусин. Находки у Мертвого моря. М., 1964, стр. 79—82. Нам представляется сомнительным, что Элеазар сын Элеазара актом субаренды „присвоил себе функции Бар Кохбы — верховного распорядителя государственных земель в период восстания“, поскольку дошедшие до нас контракты не исключают возможности субаренды. Равным образом нет оснований думать, что аграрная политика Бар Кохбы исключала концентрацию земель (хотя бы и в качестве арендованной). Договоры, которыми мы располагаем, позволяют установить его заинтересованность лишь в обработке земли и соответственно в регулярном поступлении арендной платы.

¹⁵ Ср. точку зрения Й. Йадина (Y. Yadin. Expedition D..., pp. 51—52) и И. Д. Амусина (Документы..., стр. 143), которые полагают, что Геродиум был не более, чем центром топархии — одной из административных единиц государства Бар Кохбы. Однако в документах Мур. 24 С, D, а также, видимо, в F ясно, по нашему мнению, сказано, что в Геродиуме находился сам Бар Кохба. Вводная формула в них гласит: „[В двадцатый] <день> шевета, [г]од второй [вызvolения] Израиля р[укой] Шиме'она сына Косевы, предводителя [Израиля], который [на]ходится в Геродиу[ме]“.

Одна группа земель находилась в коллективной собственности всех общинников (ср. надпись Le Bas-Wadd., 2505, где использован термин: *κοινὸς τόπος*; Мишна, Бава Камма, 5,5: *ršwt hrbyum*; Бава Камма, 19а—19б; Мишна, Биккурим, I, 1: *šlrbyum* и т. д.), такими, очевидно, были пастбища, выгоны и т. п. (ср. указание Front., De contr., SRF, р. 15, согласно которому в некоторых провинциях Римской империи совместные пастбища — *comprascua* — считались неделимыми). Наряду с этим имелись участки (пахотные земли, сады и подворья), принадлежавшие отдельным лицам (Мишна, Бава Камма, 5,5: *ršwt huhyd*). Каково было в изучаемый период соотношение земель обеих категорий, не вполне ясно. Упомянутая надпись Le Bas-Wadd., 2505 содержит принятое общиной (*χωμῆτη*) Корина постановление, запрещавшее устраивать на общинных землях гумна.¹⁶ Очевидно, практически речь идет о мерах, направленных против расхищения общинных земель. В то же время не подлежит сомнению и существование определенной тенденции к превращению общинных земель в частновладельческие — тенденции, осуществление которой акты, подобные принятому в Корине, могли несколько задержать, но ни в коем случае не приостановить.

Разумеется, что владение землей в пределах полиса было неразрывно связано с обладанием гражданскими правами. В Мишне (Ма'асер Шени, 5, 14) сохранилось указание, согласно которому „поселенцы“ (*grum*) и вольноотпущенники (*'bdym mšhrrum*) теоретически не имели права на землю (*'un lhm hlq b'rs*). Впрочем, гражданские права в данной общине были в свою очередь функцией от продолжительного пребывания в городе или владения домом. По данным Мишны (Бава Батра, I, 5), гражданские права автоматически приобретались либо после проживания в городе в течение двенадцати месяцев, либо сразу же после покупки в городе „дома для жилья“ (*byt dyrh*). В этих случаях данное лицо становилось „как мужи города“ (*k'nšy h'yr*). Таким образом, практически возможность приобретения земли в пределах полиса оказывалась открытой для любого дееспособного лица. Правда, иудейские власти старались предотвратить продажу земли, если она граничит с полем другого иудея, не иудею (ср. Бава Камма, 114а), однако в принципе продажа земли за пределы данной этнической группы оказывалась возможной (Мишна, Гиттин, 5, 9; ср. Гиттин, 47).

Талмудическое право знает и возможность совместного владения землей; в роли совладельцев могли выступать как братья (Мишна, Бехорот, 9, 3), так и неродственники (ср.: Мишна, Терумот, 3).

Значительный интерес для оценки реального положения мелких землевладельцев в Сирии I—III вв. н. э. представляет сохранившийся у Евсевия (*Hist. eccl.*, 3, 20, 2—3) со ссылкой на Гегесиппа рассказ о преследовании Домицианом так называемых потомков Давида. К со-

¹⁶ См.: Е. С. Голубцова. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. М., 1962, стр. 34—35; И. Ш. Шифман. Имущественные и земельные отношения в Пальмире в I—III вв. н. э. по эпиграфическим данным. Палест. сборник, вып. 13 (76), 1965, стр. 100—113.

жалению, в нашем распоряжении нет достаточных данных для того, чтобы установить, насколько достоверно это предание по существу. Однако некоторые его детали несомненно реалистичны. На вопрос, какими имуществами они владеют, предлагаемые потомки Давида отвечают, что они имеют „вдвоем“ (*ἀμφότεροι*) девять тысяч денариев, из которых каждому из них принадлежит по половине. Отсюда, очевидно, должно было бы следовать, что автор рассказа исходил из презумпции о том, что братья владеют своим имуществом порознь. Но нет: оказывается, что эта сумма складывалась не из наличных денег, но из земельного участка размером в 39 плэфров (средняя цена одного плефра земли составляла около 24 денариев), с которого они вносили налог (*φόρος*) и который обрабатывали своим трудом. Умолчание о рабах, правда, не дает оснований думать, что у предполагаемых потомков Давида их не было. Показательно, что материальную основу более или менее сносного существования человека из престоногодья, мелкого землевладельца, по представлениям, нашедшим отражение в данном рассказе, составлял его личный труд.

О том, что землевладельцы и члены их семей принимали непосредственное участие в обработке земли, имеются и некоторые иные указания. Так, согласно Юдифь, 8, 2—3, Манассе, муж героини этого произведения, погиб во время уборки урожая. В евангельской притче о блудном сыне (Лука, 15, 25—32) говорится, что старший сын домоладыки работает в поле (*ἐν ἀγρῷ*). На это не влияет наличие в обоих хозяйствах рабов. Свободный иудей, обрабатывающий поле, упоминается и в Иер. Берахот, 2, 4.

Земли, принадлежащие отдельным лицам, могли служить объектами разного рода сделок, в том числе купли-продажи. Это считалось само собой разумеющимся явлением и нашло отражение как в народных преданиях, так и в исторической традиции. В легенде об Иуде Искарите (Деян., 1, 18), например, рассказывается, что он приобрел участок земли (*χωρίον*) на те деньги, которые он получил в качестве платы за свое предательство. По другому раннехристианскому преданию (Деян., 4, 34), лица, вступавшие в христианскую общину, продавали свои земли (*χωρία*), а вырученные суммы „клали к ногам апостолов“. Иосиф Флавий (Fl. Ios., VJ, 2, 285—286) рассказывает, что иудеи, жившие в Кесарии, прилагали большие усилия к тому, чтобы приобрести участок земли (*χωρίον*), владельцем которой был грек; события, развертывающиеся вокруг этого замысла и попыток его осуществления, привели в конце концов к столкновениям в городе. Об этом же в общем говорят и позднейшие законы. Они указывают, что право на землю могло быть приобретено за деньги (*bksp*), по документу (*bštr*) — очевидно, путем дарения и т. п., а также в результате осуществления над землей власти на протяжении определенного времени (*hzqh*) (ср. Мишна, Киддушин, 1, 5; Бава Камма, 79а—79б). Интересно, что давность осуществления власти над имуществом (*hzqh*), необходимая для возникновения права собственности, составляла три года

„изо дня в день“ (mywm lywm) (Мишна, Бава Батра, 3, 1). Фактически она осуществлялась путем захвата, огораживания и запираения данного участка (ср. Тосефта, Киддушин, 1, 5). Таким образом, иудейские законоучители рассматривали собственность как право господствовать над ее объектом (отсюда возможность „хазака“) и как право отчуждать его в любой форме. Понятно, что и то, и другое предполагало возможность и право пользоваться объектом собственности по усмотрению собственника. Эти воззрения нашли свое отражение и в деловых документах о купле-продаже земли.

В Тосефте (Арахин, 5, 6) сохранилось указание, как будто бы ограничивающее право и возможность продажи земли: „Никто не имеет права (’yn ’dm rš’y) продавать родовое поле (śdh ’hwzwtw) и закладывать его за деньги (wlhnyhm b’pwndtw)“. Однако это указание дополняется клаузулой: „Если продано, то — вот, это продано“. Таким образом, это запрещение перестало быть обязательным; оно представляло собой не более, чем реликт доэллинистической и, вероятно, допленной правовой нормы, согласно которой родовые земли не должны были отчуждаться навечно за пределы рода. Потеряв силу закона, эта норма сохраняется еще как требование морали, господствующей в данном обществе. По существу же различие в юридическом статусе родовой и купленной земли на данном этапе уже переставало существовать. Более того, Мишна (Арахин, 7, 5; ср. Гиттин, 48а) считает даже возможной ситуацию, при которой сын покупает землю у отца: „Купивший поле у отца своего, умер отец его, и после этого он посвятил его, вот оно как поле родовое (kśdh ’hzh). Посвятил он его, а после умер отец его, вот оно как поле купленное (kśdh mqnh); слова рабби Меира. А рабби Йехуда и рабби Шиме’он говорят: как поле родовое“. Спор, очевидно, идет о том, в какой ситуации земля приобретает статус родовой — до смерти отца (т. е. при покупке) или после (когда сын приобретает право унаследовать землю). В любой ситуации это должно быть связано с представлением, что сын по праву члена рода должен вступить во владение родовой землей. Показательно, что такая земля, во-первых, может изменить свой статус и, во-вторых, может служить объектом купли-продажи. Не менее существенно и то, что различие между родовым и купленным полем оказывается действенным только в сакральной, наиболее консервативной сфере (ср. Мишна, Арахин, 3, 2).

Документ, удостоверявший переход земли от одного собственника к другому, должен был содержать указание на то, каким образом отчуждена и соответственно присвоена земля (Киддушин, 26а); „Поле продано тебе, поле отдано тебе“.

Земля могла служить и залогом при предоставлении займов. Ипотека допускалась на срок до трех лет; в случае невозвращения долга в течение этого времени земля переходила к заимодавцу. Наш источник (Мишна, Бава Мециа, 5, 3) при этом ссылается на практику некоего Байтоса сына Зонина. В другом месте (Мишна, Киддушин, 1, 5)

указывается, что названные выше три способа приобретения (деньгами, записью и „хазака“) относятся только к имуществам, могущим быть ипотецированными (nksym šyš lhm 'hrywt).

Сирийский законник V в. предусматривает (§ 38) продажу земли (использован термин *qunp'*); в случае внесения задатка продавец не имеет права предложить продаваемую землю другому лицу. Для опротестовывания сделки закон предусматривал десятилетний срок, а если заявитель проживал не там, где она совершалась, двадцатилетний срок. Земля могла быть объектом дарения (§ 69), а также объектом антихрезы — она могла быть заложена с тем, что кредитор вместо процентов получал урожай (§ 99).

Являясь частной собственностью, земля могла передаваться по наследству. Некоторые данные литературных источников и исторической традиции позволяют представить себе процесс наследования и реальные отношения, складывающиеся в этой сфере. Согласно Юдифь, 8,7, наследником домовладыки Манассе становится его жена Юдифь; среди объектов наследования упоминаются и земли (*ἀγροὺς*). Судя по тому, как Август разделил после смерти Ирода его владения (Fl. Ios., VJ, 2, 93—98), наследниками умершего домовладыки могли становиться все его дети, не только сыновья, но и дочери. Хотя в данном случае речь идет не столько об унаследовании собственности, сколько о передаче функций публично-правовой власти, нам представляется бесспорным, что образцом для раздела послужили акты, непосредственно связанные с дележом собственности. Половину владений Ирода получает Архелай вместе с правительственными функциями (он провозглашен этнархом с перспективой получить царский титул), а оставшуюся часть наследства разделили поровну между двумя другими сыновьями — Филиппом и Антипой. Власть над Йамнией, Ашдодом и Фасаэлидой была оставлена Саломее. После смерти последней эти владения (в том числе плантации финиковых пальм в Фасаэлиде) перешли по завещанию к жене Августа Юлии (Fl. Ios., VJ, 2, 167): иудейское право, следовательно, допускало легат.

Эти указания законодательных памятников и традиции достоверно отражают реальное положение вещей, существовавшее в эллинистическо-римской Сирии. В частности, до нас дошла серия документов о купле-продаже земли на Дура-Европос. Как уже отмечалось, документ DEEP 15 (D. Pg. I, II в. н. э.) содержит акт о продаже земли с находящимися на ней плодовыми деревьями, постройками, садами и со всеми прочими, связанными с нею предметами (*ἀκροπόροις καὶ ἐποικίωσι καὶ παραδείσοις καὶ τῶν συνκύρουσι πᾶσι*). Как отмечает в своем комментарии С. Бредфорд Уэллес, сделка носит характер продажи с правом последующего выкупа (об этом свидетельствует формула *ἀπέδοτο λύσιμα*). Земельный участок продается за 240 драхм; эта сумма складывается из 120 драхм, которые некое лицо, по всей видимости продавец, дало взаймы Аминандру „на имя“ Аристонакта сына Аристона (*ἐπὶ τῶν... ὀνόματι*), а также из штрафа (*ἐπίτιμον*) тех же размеров, наложенного на долж-

ника. Видимо, земля находилась в руках продавца как залог, а продажа осуществлялась в связи с истечением срока займа. В другом документе (DEPP 25 = D. Pg. 23) одним из объектов торговой сделки является половина сада; в документе отмечается местоположение продаваемого землевладения, а также то обстоятельство, что вместе с садом продаются деревья, виноградные лозы и все, что имеет отношение к данному объекту; кроме того, в документе имеется клаузула, ограждающая права покупателя от возможных претензий. Наибольший интерес представляет документ DEPP 26 (= D. Pg. 101). Он составлен в соответствии с нормами местного эллинистического права, воспринятыми и римским правом.¹⁷ Его „верхний“ текст гласит: „Купил (ἐπρίατο) [Ю]лий⟨ы⟩ Деметрий, ранее во⟨ин⟩ когор⟨ты⟩ 3 Ав⟨густа⟩, проживающий⟨ в Ракуэта, у Отарнея сына Абадаба из посекления⟩ (χώμης) Сахаре-да-Аварае принадлежащую ему землю (χώραν), расположенную в пределах этого посекления, которую он купил у Аббейба, его сопосекленца (συνχωμότητος αὐτοῦ), в ме⟨ст⟩е (ἐ[ν] τ[ῶ]ν)ωι), именуемом Заира-да-Сахарае, каково она есть размера, называемую Каркафа; год 175“. „Нижний“ текст документа: „При консулах Нуммии Альбине и Лелии Максиме, на седьмой ⟨день⟩ до июньских календ, в присутствии подписавшихся и приложивших печати мужей, в Сахаре, на зимних квартирах [ко]горт⟨ы⟩ 3 Ав⟨густа⟩ Фракийцев. Купил Юлий Деметрий, ранее в[о]ин когорты, ук[азанной выше], живущий в Ракукета, у Отарнея сына Абадаба из поселения (χώμης) Сах[а]ре-да-Аварае принадлежащую ему землю (χώραν), находящуюся в пределах этого же поселения, каково она есть размера, которую он купил у Аббейба сына Бозана, сопосекленца его, в Заира-да-Сахарае, в месте, называемом Каркафта, со вход[ом] и выходом и находящимися там деревья[ми], плодоносными и бесплодным[и], и со всеми правами, относящимися к э[т]ой э[л]мле (καὶ παντὶ δικαίωι τῆ[ς] αὐ[τ]ῆς χω[ρ]ας), за цену в сто семьдесят пять денариев, каковую цену получил продавец у покупателя, и землю ему передал, чтобы он имел нерушимое право (εἰς τὸ ἔχειν αὐτὸν κυρίως καὶ βεβαίως) на все времена владеть (κτᾶσθαι), пользоваться (χρᾶσθαι), продавать (πωλεῖν), рас[по]ряжаться (δι[ο]ικεῖν), как он пожелает. Соседи этой земли: с востока — водный канал реки Хабур, с запада — виноградник продавца, с юга — Абделат, с севера — земля продавца и Абделат. Если же что-либо забыто или ныне, или в прошлом (εἰ δέ τις λήθη ἢ ἔστιν ἢ ἐγένετο) из соседей, то да не бу[д]ет пр[е]п[р]я[т]ствием. Было же до сих пор на этой земле виноградных пней (στελέχη ἀπέλων) шестьсот. Продавец передал покупателю этот объект продажи нетронутым (ἀνέπαφον), и не заложенным (ἀνεπιδάνειστον), и не

¹⁷ U. Wilcken. Urkunden-Referat. Archiv für Papyrusforschung, Bd. XIII, SS. 151—152; R. Taubenschlag. Papyri and Parchments from the Eastern Provinces of the Roman Empire Outside Egypt. JJP, vol. III, 1949, p. 59; E. Schönbauer. Untersuchungen über die Rechtsentwicklung in der Kaiserzeit. JJP, vol. VII—VIII, 1954, p. 141; F. Pringsheim. The Greek Law of Sale. Weimar, 1950, pp. 79—80, 104, note 3.

подлежащим какому-либо спор[у] (ἀναμφισβήτητον πάσης ἀμφισβήτησεω[ς]), и ч[и]стым от каких-либо претензий. Если же он не передаст со[гласно <этому>] и кто-нибудь предъявит претензию на это проданное или ча[с]ть ег[о], прода[в]ец будет с[у]дить[с]я и очис[т]ит для покупателя, а если нет, то заплатит е[му] цену двойную и убыток также. Продавец отдаст все, что выпад[е]т на эту землю во исполнение императорск[о]го указа и деревенской повинности. Этот акт будет иметь силу всюду, где будет предъявлен. Добросовестно спроси[л] покупатель[ь], и добросовестно согласился Отарней, продавец. Аврелий Салман, вете[р]ан, по просьбе напис[ал] за Отарнея сына Аба[да]ба, неграмотного, сог[ласного с тем, что он продал] п[ри]над[лежащую ему] зе[м]лю и получил де[нариев с]т[о семьд]есят пят[ь], [и удов]летворен согласно написанному выше. Флавий Серапион, нунций, подписал. Юлий Диоген, кор[н]икулярий, с[в]и[детельствую]. Клавдий Феодор, оп[ти]он, подписал. Юл[и]й Моним, каз[начей], подписал. Вепон Флавиан, т[у]б[и]цен, подписал“.

Интересную параллель этому документу составляют акты о продаже земли, найденные среди документов из Вади Мурабба'ат.¹⁸ Один из них, составленный на еврейском языке (Мур. 22) в 131 г. н. э., гласит: „В 14 <день> Мархешвана, год первый освобождения Из[ра]иля... [серебро зуз] 50 добрых, — полную цену. Этот участок, который принадлежит Хизке в качестве уплаты за долг, в границ[ах]... С запада — наследники Авшая сына Иоханана, с севера — Ханин сын Ханина и другие, с юга — Хали[фа]... стручковы[е]... Иосиф сын Адайа за серебро 40 зуз, а я, сын Хизки, получил их... устранен окончательно... без права собственности (ršwt) навечно. И я, Иосиф... если буду жив. И вечно сыновья мои будут пользоваться этим правом собственности, что навечно“. „Нижний“ текст этого документа, видимо, повторял верхний, однако более или менее сохранно только описание границ. Другой документ (Мур. 25; 133 г. н. э.) также сохранился лишь частично. Он содержал, насколько об этом можно судить, описание границ, заявление о получении платы („и серебро я получи[л]“), а также заявление о гарантиях против эвикции. Заключительная формула документов этого типа хорошо сохранилась в Мур. 26. Там, видимо, имелась клаузула, оговаривающая действительность документа, а также заявление о гарантиях при продаже: „[И я]... женщина... [про]данное ((mzb)nth) [и все, что есть у меня], — обеспечение и ручательство чистоты и действительности [прода]жи [этой <и гарантия> для вас и для] ваших наследников от любого иска (hrr) [и] жалобы (tgr)“. Кроме этого, подчеркивается, что ни один документ, который мог бы быть предъявлен для обоснования претензий на эту землю, не будет иметь законной силы, а также, что продавец или его потомки в любой момент возобновят этот документ. Документ Мур. 29

¹⁸ См.: И. Д. А м у с и н. Документы . . . , стр. 143—144, там же приведены и образцы документов.

представляет собой акт о продаже виноградника, однако его клаузулы не сохранились. Лучше всего сохранился документ Мур. 30, датированный 134-м годом. Приводим его „нижнюю“ часть: „В двадцать первый <день> тишри, год четвертый вызволения Израиля, в ... элим. Приложили печати (hwtmym) Ионатан сын Иосефа, Шимеон сын Симайа, Ионатан [сын] Элеаза[ра], Ионатан сын Ханании. Продал Дост сын Элеазара сына ... [поле, которое можно засе]ять пятью сеа пшеницы, более или ме[нее] принадлежит покупателю, и кам[ни], и все, что на нем, с запада и с юга. Грани[цы] проданного этого: с востока — продавец, с запада — дорога, с севера — Кавлула, с юга — Ханин сын Ионатана. Проданное это в его пределах — дом, и ..., фиговые деревья, оливковые деревья, <каждое> дерево, отрастившее ветви к тебе, все, что в нем и что живет на нем, растения ... Продал я тебе за серебро во[семь]десят восемь зуз — двадцать два села. И я получил их. [И право] покупателя и наследника его относительно проданного этого — делать с ним все, что пожелаешь. И все, что есть у меня и что я куплю, — обеспечение и ручательство для очищения перед тобой проданного этого, в соответствии с этим от любого иска и претензии, навечно. И я, Шалом, жена Доста этого, дочь Хони сына Ионатана от того, что я буду получать тридцать <денариев> из года в год после [это]го¹⁹ <и что останусь> в доме твоём, господин мой. [Дел]а нет у меня к проданному этому ... в собственности его и доме его ... на[веч]н[о]...“. За этим следуют подписи: „Дост сын [Элеаза]ра за [себя]; Шалом дочь Хони за [себя]; Ионатан сын Ио[сефа]; Шаул сын Ио...; Дониш...“.

Документ из Дура-Европос составлен по обычному для греческой эллинистической документации типу: ἐπίατο Β. παρὰ Α. Эта форма была в греческой деловой жизни наиболее распространенной.²⁰ Любопытно, однако, что и еврейский документ из Вади-Мурабба'ат, составленный в период восстания Бар Кохбы, воспроизводит формуляр греческих документов о купле-продаже типа ἀπέδοτο Α. Как отмечает Ф. Прингсхейм,²¹ документы этого типа возникли, вероятно, из более широко распространенных документов типа ἀπέδοτο Α. — ἐπίατο Β. с исчезновением имеющих в последних деклараций покупателя. Впрочем, Прингсхейм замечает, что документы последнего типа не кажутся ему „чисто греческими“, тогда как формуляр типа ἀπέδοτο Α. не может быть определен. Нам представляется наиболее правдоподобным, что формуляр документов обоих типов явился естественным развитием формуляра доэллинистической деловой документации, как она представлена, в частности, в папирусах из Элефантины. Эти документы строились как заявления одного из контрагентов, излагающих существо сделки. Правда, в отличие от рассматриваемых здесь актов, они фиксировали эти заявления в первом лице; при этом они составлялись

¹⁹ Т. е. „после твоей смерти“.

²⁰ F. Pringsheim. The Greek ..., pp. 107—109.

²¹ Там же, стр. 107.

от имени того лица, которое отчуждало собственность.²² Следует заметить, что аналогичное построение деловых документов наблюдается еще во II в. н. э.; известный документ о продаже дома, датированный 134 г. н. э., составлен как заявление продавца, обращенное к покупателю, выдержанное в первом лице.²³ Близость сделок этого типа к форме *ἀπέδοτο* А. очевидна. К сожалению, до сих пор не обнаружены деловые документы классического времени, которые происходили бы из балканской Греции или малоазиатских греческих полисов, в связи с чем нет возможности установить, каким было соотношение формуляров эллинистическо-римского времени с собственно греческими. Впрочем, для греческого права было характерно, насколько об этом можно судить, отсутствие стереотипных слов и формул.²⁴ Как бы то ни было, вряд ли можно сомневаться в том, что переход от заявления в первом лице к протоколированию в третьем лице не противоречил правовым навыкам коренного населения Ближнего Востока. Непреодолимой пропасти между обоими типами документов мы не наблюдаем.

Существенный интерес представляет то, что в контрактах из Дура-Европос и Вади-Мурабба'ат весьма значительно отличаются друг от друга формулы, защищающие покупателя от эвикции и соответственно от возбуждения против него виндикационного иска. В самом деле, документ из Дура-Европос обязывает в случае возникновения подобной ситуации продавца вести процесс, а если он будет проигран, выплатить покупателю двойную цену продаваемой земли. Соответствующая формула из Мур. 30 менее определена: здесь указывается только, что гарантией от эвикции служит имущество продавца. При этом отсутствует указание, какова сумма штрафа, налагаемого на продавца в случае неудачного исхода виндикационного процесса. Вавилонская гемара (Бава Мециа, 146), отражая, очевидно, концепцию, общую для иудейского после пленного права в целом, признавала за покупателем в случае эвикции право на взыскание с продавца цены проданного (*m'wt*), а также средств, затраченных на мелиорацию (*sbh*). Такова была точка зрения Рава; по мнению рабби Шемуэля, должна была взыскиваться только цена. Во всяком случае речь здесь идет только о возмещении убытков и, в отличие от правовой концепции документа из Дура-Европос, без какого-либо штрафа за совершение недобросовестной сделки. Судя по всему, именно такая концепция лежит в основе документа Мур. 30.

²² R. Yaron. Introduction to the Law of the Aramaic Papyri. Oxford, 1961, pp. 7—26.

²³ Ср.: И. Д. Амусин. Арамейский контракт 134 г. н. э. из окрестностей Мертвого моря. Сб. „Древний мир“, М., 1962, стр. 202—213. Следует заметить, что структура этого документа целиком совпадает со структурой документа о купле-продаже земли.

²⁴ F. Pringsheim. The Greek..., p. 47; L. Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs. Hildesheim, 1963, S. 465.

Приведенный материал показывает, что структура земельного фонда Сирии практически не изменялась на протяжении всего эллинистическо-римского периода истории страны. Единственной характерной особенностью процесса развития было возникновение на царских землях частного землевладения, независимого от полиса и не подчиненного полисной юрисдикции.

I. Sh. Shifman

THE KINGS AND POLIS LANDS IN THE HELLENISTIC-ROMAN SYRIA

In the Hellenistic and Roman Syria there were two kinds of land—the under the kings and the under the polis jurisdiction. In the cases of the purchase of the kings private land the customer in some cases received possibility to alienate the right situation of the property: to take it from the kings jurisdiction away and to set it under the polis jurisdiction. There was possibility for remaining of the land in question under the kings jurisdiction. In both cases the land remained private property of the customer. There were many cases of the duty holding of the kings land and of the epiphyteusis. In the land under the polis jurisdiction there were lands in common property of all the citizens and the private lands. The last could be an object of all the business and legal operations.
